

А. А. АВЫЛОВА.

ХРИСТОСЪ
РОЖДАЕТСЯ

ИР.

Л. АВИЛОВА.

ХРИСТОСЪ РОЖДАЕТСЯ.

ОТЧЕГО НЕ ПОУТЬ АНГЕЛЫ.
ТЕЛЕФОНЪ.
ДИТЯ.

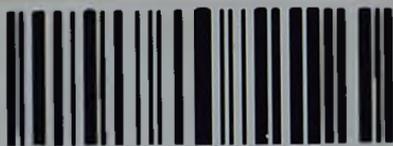

Рождественскіе разказы.

Рисунки худ.
Г. АЛЕКСѢВА.

ХИ-399НУ

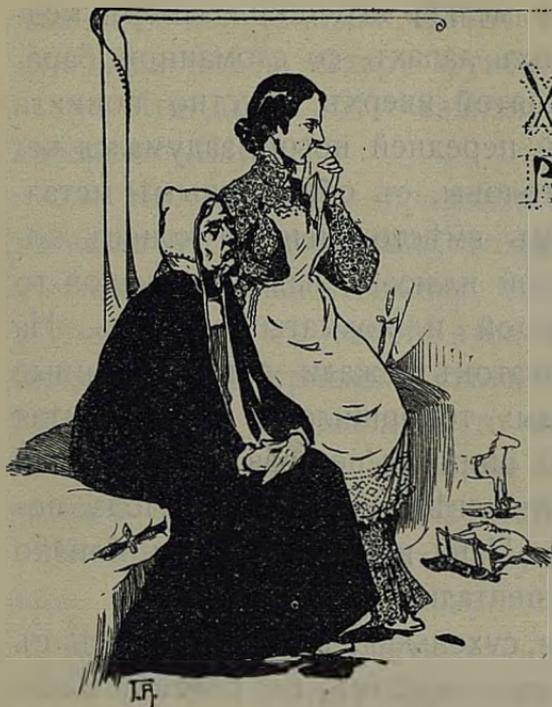

2007338716

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

ХРИСТОСЪ РОЖДАЕТСЯ.

Няня и горничная Саша сидѣли на няниной кровати и шептались. Дѣти только что улеглись. Въ дѣтской потушили висющую лампу, заправили ночникъ съ голубымъ колпачкомъ, и комната приняла мирный, успокаивающій видъ. Кроватки съ бѣлыми полочками, горка съ игрушками, длинная бѣлая постель няни, — все это словно вытянулось, выросло, вздохнуло глубокимъ, облегчающимъ вздохомъ, отдыхая отъ длиннаго, шумнаго дня. Изъ темнаго угла около печки задумчиво выглядывали головы картонныхъ лошадей, рядомъ съ ними на игрушечной кроваткѣ лежала кукла, и глаза ея, полузакрытые, казалось, говорили о сладости отдыха и тишины. На полкахъ горки, разставленные въ

безпорядкѣ дремали мелкія игрушки: замерѣ медвѣдь, стоя на заднихъ лапахъ со сломанной барабанной палкой, поднятой вверхъ, грустно поникла коза съ вывернутой передней ногой, задумался велосипедистъ безъ головы, съ обнаженнымъ металлическимъ стержнемъ вмѣсто шеи, на конецъ котораго, для нѣкоторой иллюзіи, накололи какой-то несоразмѣрно большой и лохматый парикъ. На стульяхъ около кроватокъ лежали приготовленные праздничные наряды: топорщилась бѣлая шитая юбочка, разстилалась широкая пестрая лента, стояли двѣ пары маленькихъ, свѣтлыхъ туфель. Подъ полочками было тихо. Няня и Саша сидѣли близко другъ къ другу и шептались.

Няня—маленькая, сухенькая, вся въ темномъ, съ бѣлымъ старушечьимъ чепцомъ на головѣ, Саша въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ и въ широкомъ фартукѣ съ кружевами.

— Ну, хорошо...—шептала Саша, вытягивая шею и пристально вглядываясь въ носокъ своего башмака.— Хорошо... Тутъ же отписала я имъ, что, такъ, молъ, и такъ, дошли до меня слухи и чтобы впередъ этого не было. Дѣвчонку чтобы мою не обижать, а я ихъ за это никогда не забуду. Ну, хорошо... Случилась тутъ оказія, землякъ одинъ уѣзжалъ, такъ я съ нимъ всего-то, всего наспосылала: денегъ три рубля, платьишка тамъ кое-какого,

дѣвчонкѣ полусапожки, шапочку вязаную, два французскихъ хлѣба, сахару фунтъ, бубликовъ фунтъ.

— Что добра-то! — вздохнула няня, покачивая головой. — Шутка!

— Ну, хорошо, — продолжала Саша, — и опять наказала я съ землякомъ, чтобы дѣвчонку мою не обижали, а я, какъ заживу, еще денегъ пришлю и всего. Только съ самой этой поры хоть бы мнѣ словечко одно прислали! Нѣтъ письма и нѣтъ. Если бы я мужика не знала, а то знаю — вѣрный онъ человѣкъ, на чужое добро не позарится. Сколько разнаго добра напосылала и хоть бы тебѣ что!

— Охъ, грѣхи, грѣхи! — участливо вздохнула няня.

Саша зашептала опять:

— Вы то, Анисья Сергѣевна, подумайте, что у меня пуще всего за мою дѣвчонку сердце болитъ. Долго ли ребенка обидѣть? Ни заступиться за нее, ни приголубить, посудите сами, некому: люди чужіе... И опять же нужда. Всякому своя болячка больнѣй. Ужъ плачу я, плачу... — дрогнувшимъ шопотомъ dokonчила Саша и стала вытирать лицо кончикомъ своего фартука.

Няня молчала.

— Сколько, я говорю, Анисья Сергѣевна, этого самага бабьяго горя на землѣ, страсть! А ужъ что нашего брата гибнетъ да мучается!.. Которой и за-

мужъ выйти посчастливится, да что толку? одна маята. Еще мужъ бить будетъ. Да и по мѣстамъ охотнѣе берутъ, какъ незамужняя. Дѣвчонку-то мнѣ свою жаль! Говорили, извелась она вовсе.

— Своя кровь, какъ не жаль! — завздохала няня. — Своихъ дѣтей у меня не было, вѣкъ свой съ чужими, а ужъ жалки они мнѣ, жалки! Вотъ какъ Гришенька хворалъ, сколько я ночей не спала! а тутъ прилегла и только онъ шелохнется—я ужъ слышу.

— Думаю теперъ, жива ли?—все тѣмъ же дрожащимъ шопотомъ продолжала Саша. — Праздникъ у людей, радость, а у меня сердце-то... сердце-то. — Она всхлипнула и опять утерла лицо фартукомъ, а няня глядѣла на нее и тихо качала головой.

— Ужъ если долго не пишутъ, то скорѣе всего, что умерла,—наконецъ рѣшила она.—Конечно, они теперъ разсчитываютъ такъ, что ты на ребенка къ празднику пришлешь и не отписываютъ. А какъ ребенку не умереть, если ему жить худо? Вонъ Гришенька хворалъ, я такъ и думала, что онъ Богу душеньку отдастъ, а развѣ ему что худо? Сама не допьешь, не доѣшь, а ужъ онъ ухоженъ.

— Хочу опять лавочника просить, пусть письмо напишетъ построжее. И такъ-то мнѣ тошно, Анисья Сергѣевна, такъ-то тошно! — Саша махнула рукой и молча пристально уставилась на носокъ своего башмака.

— Ишь ты! — спохватилась она вдругъ. — Заболталась я тутъ, а самоваръ-то у меня какъ бы не ушелъ. — Она нехотя поднялась.

— Вотъ, Анисья Сергѣевна, горе-то у меня... Такое горе, такое горе!.. Идите чай-то пить, сейчасъ залью.

Саша ушла. Няня подошла къ положкамъ кровати, прислушалась и, убѣдившись, что дѣти спятъ, достала изъ ящика комода небольшую банку съ вареньемъ и пошла въ кухню. Дверь за ней тихо стукнула, и въ дѣтской водворилась полная тишина.

Но дѣти не спали. Гриша, трехлѣтній шалунъ, нянинъ любимецъ и баловень, лежалъ на спинѣ и, щуря глаза, разводилъ руками. Онъ услыхалъ, какъ вышла нянька, вскочилъ и распахнулъ положекъ.

— Зюлька, — позвалъ онъ шопотомъ, — Зюлька!

Сестра не слыхала, или притворилась, что не слышитъ. Гриша позвалъ еще разъ, потомъ осторожно оглянулся и перелѣзъ изъ кровати на стулъ; крѣпкія, полныя ножонки его засѣменили по плетенкѣ стула, ловко прыгнули на коверъ и быстро зашлепали черезъ комнату.

— Не спишь! А-а! — шумно обрадовался мальчикъ, заглядывая въ кровать сестры.

Зюлька быстрымъ движеніемъ зажала ему ротъ.

— Глупый! Чего кричишь! — зашептала она. — Няня услышитъ... придетъ ..

Гриша сразу присмирѣлъ, съежился, и въ большихъ темныхъ глазахъ его показалось робкое и виноватое выраженіе.

— Глупый!—повторила еще разъ Зюлька.

Гриша вздохнулъ, быстро заморгалъ, какъ бы собираясь обидѣться, но вдругъ опять оживился и повеселѣлъ.

— А я теперь знаю, что намъ завтра на елку подарятъ, знаю!—быстро заговорилъ онъ, заинтриговывая и задорно пригибая голову къ плечу. Дѣвочка встрепенулась.

— Врешь! ничего не знаешь!—одумалась она сейчасъ же и снисходительно улыбнулась гримсамъ меньшаго брата.

— Знаю, знаю...—повторялъ Гриша, дразня и прищелкивая языкомъ.

— Ну, что?—съ любопытствомъ и недовѣріемъ спросила сестра.

— А вотъ...—Онъ забрался въ ея кровать и усѣлся въ уголокъ, натягивая рубашку на свои поднятыя колѣнки.—А вотъ мнѣ лошадь!

— У тебя много,—замѣтила Зюлька. Онъ возмутился.

— Ну, что! Какія это лошади! Всѣ безъ хвостовъ. Мнѣ хорошую, настоящую... такую!—Онъ порывисто развелъ руки, растопырилъ пальцы, и глаза его блеснули восторгомъ и гордостью.

Зюлька молчала. Она увѣрилась теперь, что братъ сочинилъ, будто бы знаетъ, что имъ приготовили на елку, и оживленіе ея пропало. Она думала, и мысль ея отражалась на ея подвижномъ личикѣ шестилѣтняго ребенка.

— Ты слышалъ, Саша плакала?—тихо спросила она.

— Я завтра Сашѣ подарю пряникъ,—заявилъ Гриша.—Ты мнѣ расскажи, Зюлька, я не знаю.., какая такая бываетъ елка?

Онъ лукавилъ, онъ отлично зналъ, какая у нихъ будетъ елка, и онъ не могъ удержать счастливой улыбки. Зюлька возмутилась.

— Глупый какой! Тебѣ не жалко Сашу? У нея дѣвочка есть больная... Ты слышалъ?

— И я боленъ былъ,—весело замѣтилъ Гриша.

— Ей жить худо. Отчего это худо? Отчего ее никто не ласкаетъ? У этой дѣвочки не будетъ елки?

Гриша съ недоумѣніемъ глядѣлъ на сестру и моргалъ. Онъ хотѣлъ отвѣтить что-то, но вдругъ забылъ, о чемъ спрашивала Зюлька, забылъ, что хотѣлъ сказать самъ, и вернулся къ своимъ мечтамъ.

— А я завтра голубой костюмъ надѣну и съ карманомъ!—съ глубокимъ вздохомъ удовольствія замѣтилъ онъ.—Мама сказала.

Зюлька молчала и думала. Гриша зѣвнулъ.

— Скоро теперь завтра, Зюлька?—спросилъ онъ.

Она отвѣтила разсѣянно:

— Теперь еще сегодня. Няня только чай пить пошла.

— Какъ долго!— жалобно протянулъ Гриша.

— А потомъ еще день... Это какой день, Зюлинька? Сперва одѣваться, потомъ чай пить, потомъ обѣдать и потомъ ужъ... вотъ и елка!

Онъ такъ обрадовался, когда дошелъ до желаннаго заключенія, что совсѣмъ нечаянно громко вскрикнулъ.

— Дуракъ! все кричитъ! уходи ты!— разсердилась Зюля.— Самъ кричитъ, а няня на меня ворчать будетъ.

Гриша чувствовалъ свою вину; онъ крѣпко зажалъ ротъ обѣими ручонками и тихо зашепталь что-то въ ладони. Сестру онъ не понималъ. Она думала о чемъ-то, спрашивала что-то совсѣмъ ненужное и неинтересное и сердилась на него, Гришу. Что стало съ Зюлькой? Глаза мальчика сперва исполнились недоумѣнія, потомъ они начали смыкаться. Гриша зѣвнулъ протяжно и сладко и прислонился головой къ спинкѣ кровати. Мимо него медленно прошла лошадь съ большимъ хвостомъ и настоящими двигающимися ногами, потомъ тутъ же въ дѣтской загорѣлась елка, замелькали огни, за-

сверкали звѣзды. Съ потолка съ мягкимъ шорохомъ посыпался золотой дождь... Ласково засмѣялась гдѣ-то мама, а какой-то большой пестрый паяцъ сорвался съ дерева и началъ плясать...

— Гриша! — услыхаль онъ чей-то жалобный голосъ. — Гриша! нельзя здѣсь спать, уходи.

Чья-то рука потрясла его за плечо, но паяцъ плясалъ удивительно, Гриша не могъ оторвать отъ него глазъ, онъ засмѣялся и... вдругъ что-то оборвалось, и онъ полетѣлъ внизъ.

Зюля сидѣла въ своей постелькѣ и съ безпомощнымъ отчаяніемъ глядѣла на брата; онъ крѣпко спалъ, прижавшись въ уголокъ въ ногахъ ея кровати.

— Ну, вотъ какой! — чуть не плакала она. — Гриша, уйди... Няня будетъ сердиться.

Гриша не слыхаль; тогда дѣвочка опять легла на свою подушку и мало-по-малу глаза ея приняли прежнее выраженіе упорнаго и неразрѣшимаго вопроса.

— Отчего ей жить худо? Отчего она умираетъ, эта дѣвочка? А развѣ не надѣнетъ она завтра новое платье? не будетъ у нея елки? Отчего у нея, у Зюльки, завтра будетъ и платье, и елка, и подарокъ къ елкѣ, а Сашина дѣвочка умираетъ, потому что ей жить худо? Какъ это худо? ручки и ножки

у нея такія худыя, кривенькія, какъ у прачкинаго Ванюшки? животикъ болитъ, какъ у Гриши, когда онъ былъ боленъ? чужіе люди не любятъ Сашину дѣвочку, не даютъ ей конфетъ и варенья?.. А Саша любитъ и плачетъ...

Незамѣтнымъ образомъ неразрѣшимые вопросы Зюли перешли въ мечты; она уже не спрашивала „какъ и отчего?“ она видѣла... Она видѣла Сашину дѣвочку, худенькую, крошечную, какъ прачкинъ Ванюшка; дѣвочка сидѣла въ углу и умирала. Что такое умирать, Зюлька не знала, но она представляла себѣ что-то очень страшное, самое страшное, что могла выдумать. Дѣвочка умирала, а Зюлька побѣжала къ мамѣ, упросила ее отдать бѣдняжкѣ и елку и платье съ пестрымъ кушакомъ. Въ мысляхъ Зюльки что-то путалось: выходило такъ, что она все только хотѣла отдать дѣвочкѣ платье и елку; она хотѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ знала, что все это еще ея, что завтра будетъ хорошо и весело, а дѣвочка сидѣла и умирала въ углу.

— Не умирай, я отдамъ тебѣ, все отдамъ! — шептала Зюлька. Впервые дѣтская душа ея открывалась добру и состраданію; привычное безсознательное счастье ея уступало невѣдомому еще чувству, отступало, блѣднѣло...

— Все отдамъ, все! — повторяла она все болѣе горячо и убѣжденно. И вдругъ новое чувство охва-

тило ее всю, сжало ей горло. Глаза ее широко и удивленно раскрылись; минуту она словно прислушивалась къ себѣ, къ биенію своего сердца, и потомъ невыразимая радость переполнила ее дѣтскую душу, и радость, и грусть, и любовь къ кому-то... Зюлька быстро повернулась лицомъ въ подушку, плечи ее задрожали, и она заплакала.

Она не знала еще, какъ жаль въ пустыхъ слезахъ давать исходъ своему дивному, новому чувству.

Когда няня вернулась въ дѣтскую и убрала въ комодъ свое варенье, она увидала открытый полочекъ Гришиной кровати и подошла посмотреть на своего любимца.

— Да гдѣ же это онъ? съ нами сила Господня!— чуть не вскрикнула старушка. Она прошла къ кроваткѣ Зюльки и всплеснула руками: на подушкѣ, вся разметавшись, крѣпко спала Зюля, а у ногъ ее, скорчившись и нятянувъ рубашонку на поднятыя колѣнки, сидѣлъ ее любимецъ и тихо улыбался во снѣ. Няня осторожно подняла его, обхватила руками и, прижимая къ себѣ его теплое, плотное тѣльце, быстро перенесла его черезъ комнату и уложила въ кровать.

— У, баловникъ! — ласково ворчала она, прикрывая мальчика одѣяломъ. — Нейдется ему! за день-то денской не нашалился досыта,

Она вернулась къ Зюлькѣ; поправляя ей волосы, она провела рукой по ея мокрому еще отъ слезъ личику, и на лицѣ ея выразились испугъ и тревога.

„Съ чего бы? — подумала она. — Во снѣ при-
снилось что-нибудь“.

Зюля дышала тихо и ровно. Старушка скоро успокоилась. Она обвела дѣтскую заботливымъ взоромъ, потомъ обернулась лицомъ къ образу.

— Христось рождается... — громкимъ, явственнымъ шопотомъ произнесла она и съ трудомъ коснулась пола вытянутыми пальцами руки.

АТЧЕГО
НЕ ПОЮТЪ
АНГЕЛЫ

Въ просторной дѣтской, освѣщенной висячей лампой, былъ большой беспорядокъ: по столу и по полу валялись книги и игрушки, стулья стояли кверху ножками, а хозяинъ комнаты, семилѣтній Боря, стоялъ у окна и смотрѣлъ на небо.

— Спать пора, Боря, — сказала няня, — ложись, милый, а я приберусь.

Праздникъ завтра, а у насъ съ тобой, гляди, словно Мамай воевалъ.

Старушка подошла къ мальчику и ласково обняла его за плечи.

— Сейчасъ, — сказалъ Боря, — подожди...

— Да чего подождать-то? Пора... Ложись, касатикъ. Завтра съ утра уѣдемъ къ бабушкѣ. Самъ

просиль, чтобы елку тебѣ убирать позволили... То-то будетъ тебѣ забавы! Ложись, родимый!

— Няня, — задумчиво спросиль мальчикъ, — а вѣдь Христось ночью родился?

— Въ ночь, батюшка, въ ночь. Такъ она и зовется Рождественская ночь.

— И тогда, правда, ангелы пѣли? И всегда въ эту ночь ангелы поють?

— Какъ имъ не пѣть, милый: этакая радость, этакій праздникъ великій.

— Да какая же радость-то, няня? — спросиль мальчикъ. — Вѣдь Христось только на землю родился, а съ ними-то, съ ангелами, онъ и прежде былъ всегда, всегда.

Старушка задумалась.

— Ахъ, милый, — наконецъ умиленно заговорила она:—ангелы-то развѣ за себя? Ангелы за людей радовались: что вотъ, молъ, пришелъ къ нимъ ихъ Спаситель и поселился среди нихъ, и будетъ Онъ ихъ учить, и избавить отъ грѣховъ.

— Отъ какихъ грѣховъ, няня?

— Отъ всякихъ, батюшка. Люди-то грѣшные были, язычники.

— Такъ ангелы радовались, что люди будутъ безгрѣшными?

Нянька опять умильно улыбнулась.

— Такъ какъ же имъ не радоваться, батюшка? Ангелы-то добрые...

— А что же, люди теперь безгрѣшны?

— И-и! безгрѣшны! Богъ съ тобой, что сказалъ! Гдѣ же безгрѣшнымъ людямъ быть? Силенъ грѣхъ, Боренька, а человекъ слабъ... Ну, раздѣвайся-ка, да молись. Знаешь, какъ сегодня молиться надо! Сегодня всякая молитва скорѣе доходить.

— Я хочу послушать, — упрямо сказалъ мальчикъ.—Можетъ-быть, теперь рано, а потомъ запоютъ.

— Не услышимъ мы съ тобой, батюшка.

— Отчего не услышимъ, — упрявился Боря. — Я завернусь въ платокъ, а ты открой форточку и давай ждать.

— Ахъ, Борюшка, поютъ-то они высоко, далеко... Давай-ка, раздѣнемся да ляжемъ спать.

Мальчикъ неохотно повиновался. Онъ отошелъ отъ окна и лѣниво сталъ разстегивать свою курточку.

— Нѣтъ, няня,—мечтательно сказалъ онъ:—если бы теперь не въ городѣ быть, а въ полѣ гдѣ-нибудь, вотъ тамъ, пожалуй, услышишь.

Онъ зѣвнулъ и потянулся всѣмъ своимъ длиннымъ худенькимъ тѣльцемъ.

— А вотъ, кто ужъ навѣрно слышитъ — это мама. Правда, няня?

— Правда, милый, правда.

— Да гдѣ они тамъ, мертвые-то, няня? Такъ всѣ около Бога съ ангелами? Мама, значитъ, тоже будетъ радоваться и пѣть?

— Упокой, Господи, ея душеньку!—съ тихимъ вздохомъ сказала няня и вдругъ всхлипнула и утерла лицо краемъ фартука.

— Все-то ты думаешь, все-то ты думаешь! — говорила она, укладывая мальчика въ постель. — Все у тебя мысли... Спи, дорогой... А завтра у бабушки елку украшать будешь.

Она стала убирать комнату, а мальчикъ лежалъ, глядѣлъ на нее и думалъ. Большіе синіе глаза его были мечтательны, а личико выражало грусть и ожиданіе.

— Папа не вернулся еще?—тихо спросилъ онъ и зѣвнулъ.

— Если бы вернулся, пришелъ бы къ тебѣ,—сказала няня.

Она потушила лампу и вышла, тихо стукнувъ за собою дверью.

„Свѣтлый ангелъ явился пастухамъ и сказалъ имъ: „Не бойтесь! Я возвѣщаю вамъ великую радость: родился Спаситель, Который есть Христосъ Господь“. Пастухи обрадовались, потомъ явилось еще множество ангеловъ, и они пѣли всю ночь“.

Боря припоминалъ разсказъ о рожденіи Христа, и маленькая душа его исполнялась умиленія и непонятной, смутной тоски.

— Какъ это, должно-быть, было красиво и радостно, когда пѣли ангелы, а теперь они уже не поютъ, или ихъ не слышно, потому что наверху, надъ головой, квартира присяжнаго повѣреннаго, а на улицѣ предпраздничная суматоха, и люди не прислушиваются, а всѣ бѣгутъ куда-то или ѣдутъ, и у всѣхъ свое спѣшное дѣло, своя личная забота. А какъ бы хорошо было послушать ангеловъ!

Боря мечталъ, а глаза его невольно смыкались, и мысли становились все туманнѣе и сбивчивѣе.

Вдругъ мягкій, ровный свѣтъ озарилъ комнату. Мальчикъ встrepенулся и приподнялся на постели. Ни свѣчи, ни лампы въ дѣтской не горѣло, а свѣтъ разливался—голубоватый, ласкающій.

— Что это? — спросилъ мальчикъ, удивленный и обрадованный.

— Это я!—сказалъ тихій, серебристый голосъ, и надъ кроватью ребенка склонилась легкая свѣтлая тѣнь и словно обвѣяла мальчика нѣжной, но властной лаской.

— Мама!—задыхаясь отъ волненія, прошептала мальчикъ.

— Да, это я!—продолжалъ голосъ.—Милый! Я пришла за тобой. Ты тосковалъ... Ты хотѣлъ слышать, какъ поють ангелы.

— Здѣсь нельзя слышать,—сказалъ ребенокъ и протянулъ ручки.

— Я унесу тебя съ собой... Ты поймешь, ты услышишь,—нѣжно говорилъ голосъ.

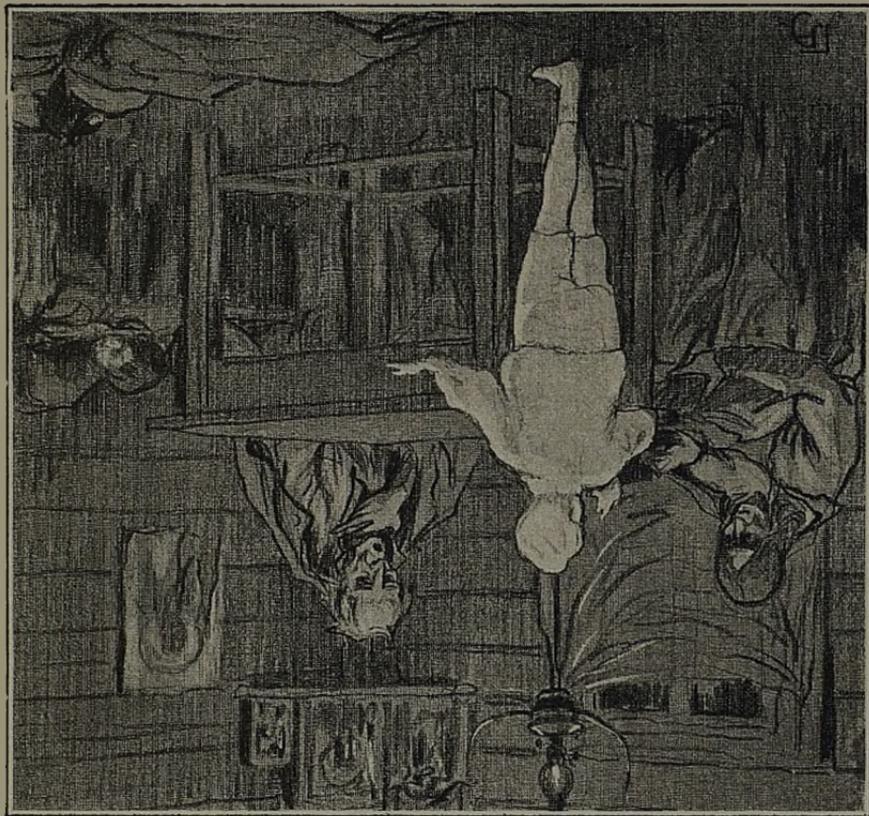
— Куда, мама? Въ поле? Къ пастухамъ?

— Ты поймешь, ты услышишь,—звенѣлъ голосъ.

И вдругъ ласковыя объятія сильнѣе охватили его, голова закружилась отъ незнакомаго сильнаго ощущенія и одинъ мигъ ему показалось, что невѣдомая сила подняла его и помчала куда-то съ невѣроятной быстротой.

Когда онъ очнулся, онъ стоялъ на полу.

Кругомъ, въ тускломъ освѣщеніи маленькой коптящей лампы чернѣли тѣсныя стѣны избы; на скамьѣ у стола сидѣла худая, блѣдная женщина и кормила ребенка грудью. Ребенокъ жадно сосалъ, но вдругъ отворачивался, жалобно плакалъ и опять, съ новой энергіей, принимался теребить грудь. Мать глядѣла на него большими глазами, въ которыхъ какъ бы замерло отчаяніе, и шептала что-то пересохшими губами. Въ углу, подъ образами, сидѣлъ мужъ женщины. Онъ горбился, упирался руками о колѣни, и изъ груди его вылетали странные,

хрипящіе звуки, похожіе на непрерывный кашель. На полу и на другой лавкѣ лежали еще взрослые и дѣти и не то спали, не то томились какимъ-то непонятнымъ страданіемъ.

„Зачѣмъ я здѣсь? — думалъ мальчикъ. — Мама принесла меня сюда и оставила“. Онъ пристально взглядѣлся въ кормящую женщину и узналъ ее.

— Да вѣдь это Дарья! — рѣшилъ онъ. — Дарья, которая ходила къ намъ стирать, когда мы лѣтомъ жили въ Михайловкѣ, и ея мужъ Антонъ. Вотъ онъ и горбится также и кашляетъ. Онъ прежде былъ у насъ садовникомъ, а потомъ заболѣлъ и ушелъ. Пожалуй, здѣсь и Миколка есть... Сынъ у нихъ Миколка... Няня еще всегда гнала его, потому что онъ грязный ходилъ и ругаться меня училъ.

Боря съ любопытствомъ оглянулся и узналъ теперь избу. Онъ вспомнилъ, какъ не одинъ разъ забѣгалъ сюда съ Миколкой и какъ няня и мама, которая тогда была еще жива, сердились на него, когда узнавали объ этомъ.

Должно-быть, Антонъ страдалъ, потому что кашель его перешелъ въ стонъ, и онъ, сидя, раскачивался, какъ бы стараясь унять невыносимую боль. Ребенокъ плакалъ. Тогда Дарья поднялась, достала съ полки соску, обтерла ее рукой и сунула въ ротъ младенцу.

— Нѣтъ у меня молока! Нѣтъ ни капли,—глухо сказала она и стала укачивать плачущаго ребенка на рукахъ.

Боря услышалъ ея жалобу и удивился.

„Ребенокъ голодный!“ съ глубокой жалостью подумалъ онъ и сейчасъ же опять припомнилъ, что они очень бѣдны. Припомнилъ онъ также, что Иосифъ и Марія были тоже бѣдны...

— Миколка! — прохрипѣлъ Антонъ. — Миколка! Подай мнѣ испить!

Одинъ изъ сидящихъ поднялся, ушелъ въ уголь и вернулся съ ковшемъ воды.

— И Миколка есть,—обрадовался Боря.

Но онъ едва узналъ своего товарища. Это былъ блѣдный, истощенный мальчикъ, и у него, казалось, едва хватало силъ исполнить приказаніе отца. Онъ поставилъ ковшъ на столъ и опять устало повалился на полъ.

„Что же это? Отчего онъ такой?“ подумалъ мальчикъ.

И видя, что никто не обращаетъ на него вниманія, незамѣтно пробрался въ тотъ уголь, куда легъ Миколка.

— Здравствуй! — сказалъ онъ тихо. — Ты узнаешь меня? Меня принесла сюда мама, чтобъ слышать, какъ будутъ пѣть ангелы. Моя мама у Бога: она умерла.

— Здравствуй!—тихо отвѣтилъ Миколка.

— Ты что же? Боленъ?—спросилъ Боря.

— Я голоденъ,—сказалъ Миколка,—у насъ у всѣхъ нечего ѣсть.

— А ты поѣшь хлѣба,—посовѣтовалъ Боря.

— У насъ нѣтъ хлѣба,—сказалъ Миколка.

— Неприятно, когда хочется ѣсть?—спросилъ Боря.

Товарищъ не отвѣтилъ и только поглядѣлъ на него глазами, полными страданія.

— Махонькихъ больше жалко,—наконецъ сказалъ онъ.

Боря задумался.

— Если у васъ нѣтъ, надо взять у тѣхъ, у кого есть,—сказалъ онъ.—Какъ же такъ можно!

Миколка задумчиво уставился въ потолокъ.

— Я просилъ,—сказалъ онъ.—Праздникъ теперь, кому до насъ дѣло! Всякому до себя.

Боря сидѣлъ на полу, близко къ изголовью пріятеля и вертѣлъ въ рукахъ кончикъ своего шелковаго галстука.

— Подожди!—сказалъ онъ вдругъ, и его личико радостно вспыхнуло.—У меня есть въ карманахъ ледянцы! Хочешь? Ышь. А ужъ я не буду.

Миколка встрепенулся, глаза его блеснули радостью, и рука быстро протянулась къ мальчику.

— На, бери! — радостно сказалъ Боря, выворачивая свои карманы. Ледеянцы посыпались на полъ, а Миколка жадно подбиралъ ихъ и зажималъ въ своей грязной, худой рукѣ.

Вдругъ лицо его выразило острое страданіе.

— Нѣтъ, — глухо сказалъ онъ, — ужъ я какъ-нибудь. Пусть ужъ ѣдятъ махонькіе. Пуще всего ихъ жалко. А ужъ я какъ-нибудь.

Онъ разжалъ руку, и на глазахъ его показались слезы.

— Миколка! — чуть не вскрикнулъ Боря, — Миколка, не плачь! Ты отдай, а я принесу еще!.. Я и хлѣба принесу и денегъ. У меня свои деньги есть. Я на часы себѣ копилъ. Да я ужъ не хочу часовъ... Я тебѣ отдамъ, чтобы ты не плакалъ. Подожди, Миколка, ты подожди...

Онъ вытянулъ ноги на полу и сталъ быстро, нервно шарить въ карманахъ.

— Ты подожди, ты не плачь, — повторялъ онъ, напряженный и взволнованный. И вдругъ, громко, радостно вскрикнулъ:

— Здѣсь деньги, здѣсь, со мной! Мнѣ еще папа сегодня подарилъ. Я все часы просилъ. Не хочу часовъ! Бери себѣ все, все!

Миколка робко, недовѣрчиво глядѣлъ на маленькій плюшевый кошелекъ.

— А ты-то? Какъ же? — спросилъ онъ чуть слышно.

— Не хочу! — крикнулъ Боря. — Зачѣмъ мнѣ часы?

Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, заплакалъ отъ стыда, отъ жалости, отъ радости, которая въ эту минуту причиняла ему невыносимую боль.

Миколка поднялся.

— Послушай, — возбужденно сказалъ онъ. — Можетъ-быть, гдѣ-нибудь еще и не спятъ. Я пойду и попрошу за деньги хлѣба и молока, а ты останься, и если тятка или мамка позовутъ— послужи имъ.

— Какъ ты пойдешь! — ужаснулся Боря. — На дворѣ снѣгъ, а у тебя нѣтъ сапогъ.

— Я духомъ, — улыбнулся Миколка.

— Нѣтъ, нельзя. Мои сапоги тебѣ впору, надѣнь ихъ и иди.

— Разсерчаетъ на меня твоя нянька! — улыбаясь, сказалъ мальчикъ. — Но онъ взялъ сапоги, надѣлъ ихъ и незамѣтно проскользнулъ къ двери.

— Господи! — молился Боря, — Господи! Только бы ему удалось найти хлѣба и молока!

— Миколка! — слышался слабый женскій голосъ. — Покачай, родимый, зыбку. Смерть моя, моченьки нѣтъ!

Боря вскочилъ и бросился на зовъ. Ребенокъ жалобно плакалъ въ люлькѣ, а Дарья уронила го-

лову на столъ и лежала неподвижная, точно нашла, наконецъ, то положеніе, въ которомъ сердце ея не ныло отъ горя, а тѣло не чувствовало ни болѣзни ни голода.

Боря, стоя на полу босыми ногами, качаль зыбку и пѣлъ, но онъ уже не думаль о томъ, гдѣ онъ и зачѣмъ. Онъ старался угадать, гдѣ теперъ Миколка, удастся ли ему раздобыть въ предпраздничную ночь хлѣба и молока для тѣхъ, кто умираль отъ голода и истощенія.

— Господи! Господи!—молился Боря и качаль зыбку и пѣлъ тихимъ, невѣрнымъ голоскомъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ Миколка. Лицо его свѣтилось отъ радости и счастья, въ рукахъ онъ несъ большую кринку молока, прикрытую краюхой хлѣба.

— Мамка! — позваль онъ и поставилъ свою ношу на столъ...

Боря смотрѣлъ и плакалъ. Онъ смотрѣлъ, какъ ѣли голодные, измученные люди, онъ смотрѣлъ, какъ прояснялись ихъ страдальческія лица, онъ видѣлъ, какъ улыбка загоралась въ ихъ глазахъ, и онъ плакалъ. Онъ плакалъ легкими, теплыми, ласкающими слезами, и радость разрасталась въ его сердцѣ и тѣснила ему грудь.

Когда мать, накормивъ ребенка, опять уложила его въ люльку и отошла, Боря робко прокрался

къ младенцу, который теперь уже не плакалъ, и ему захотѣлось взглянуть на его личико и убѣдиться въ томъ, что онъ спитъ. Осторожно нагнулся онъ надъ зыбкой и... замеръ: прямо въ лицо ему глядѣли свѣтлыя, любовныя, разумныя очи Младенца, а ротикъ, который такъ недавно кривился отъ плача, улыбался теперь такой лучезарной улыбкой, отъ которой, какъ отъ сильнаго свѣта, у Бори закрылись глаза. И тогда онъ услыхалъ кругомъ себя легкой, воздушный шелестъ невидимыхъ крыльевъ... Шелестъ увеличивался, дѣлался все сильнѣе и сильнѣе, онъ колебалъ воздухъ и наполнялъ его.

И тогда послышалось что-то... Какіе-то звуки, тихіе, нѣжные, стройные... Какая-то мелодія, которую нельзя было ни уловить, ни запомнить. Мелодія, которую робко ловила душа мальчика и которая казалась ему блаженствомъ. И Борѣ представлялось, что онъ не слушалъ, а пилъ это блаженство, и сколько онъ ни пилъ, жажда его все еще была велика и никогда не должна была утолиться.

— А я не зналъ!—шепталъ онъ.— Я не зналъ, что тутъ Христоръ. Мнѣ просто жалко и больно... Я пожалѣлъ, я полюбилъ... И я теперь знаю, какъ поють ангелы.

— Милый! — сказалъ близко къ нему родной, любимый голосъ.— Ты плакалъ, милый. Ты много, много плакалъ.

— Мама!—восторженно вскрикнулъ Боря,—никогда, мама, никогда я не былъ такъ счастливъ!

— Такъ не бойся же слезъ, мой мальчикъ!—ласково шепнулъ голосъ, и опять нѣжная, властная ласка охватила его и подняла. Голова Бори пріятно закружилась отъ быстрого движенія, въ ухахъ сильнѣе зазвучала мелодія.

— Не бойся слезъ, не бойся страданій,—ласково нашептывалъ голосъ.—Я, твоя мать, я говорю тебѣ: ищи слезъ, иди на страданія!

Слова ея стали отлетать, точно сильный вѣтеръ подхватывалъ ихъ и уносилъ.

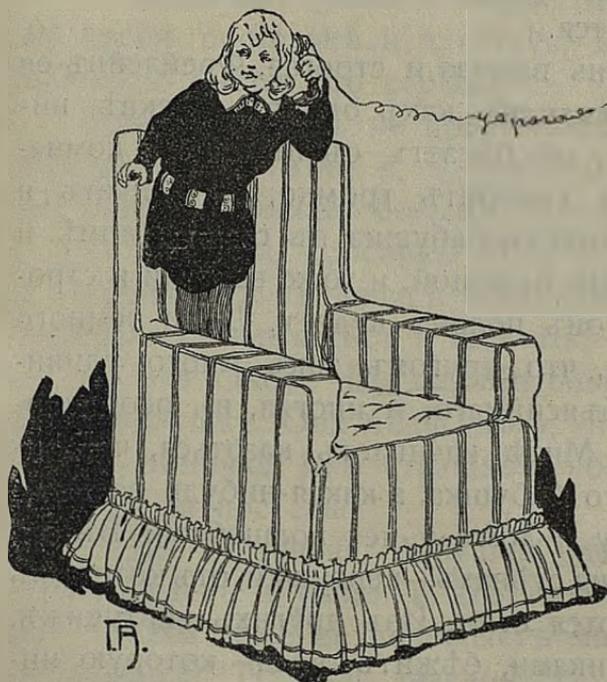
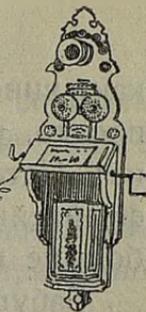
— Если бы я жила... я бы жалѣла... я бы устранила. Но меня нѣтъ съ тобой... Я духъ... И я могу радоваться твоимъ слезамъ... я умѣю... я все... поняла... Пора... Пора...

— Пора, батюшка,—говорила няня, наклоняясь надъ Борей и лаская его головку.—Что это заспался какъ, Господи свѣты! Я ужъ всю раннюю обѣдню отстояла и чаю напилась, да ужъ и соскучилась по тебѣ. Аль ночью плохо спалъ?

— Я спалъ?—спросилъ мальчикъ и глубоко задумался.

— Няня!—зашепталъ онъ и обвилъ шею старушки своими худенькими ручонками.—Няня, я знаю, почему у насъ не слышно, какъ поютъ ангелы!

ТЕЛЕФОНЪ

Былъ канунъ Рождества, а было такъ скучно! Папа оставилъ Митю у бабушки, въ Москвѣ, а самъ уѣхалъ къ мамѣ, въ Петербургъ.

Когда уѣзжалъ, сказалъ

Митѣ: „Не забывай молиться за маму“.

— Хорошо, — серьезно пообѣщаль Митя тономъ взрослого, которому даютъ важное порученіе.

Папа хотѣлъ еще что-то сказать, но закашлялся и отвернулся, а бабушка почему-то разсердилась и закричала ему, что она требуетъ, чтобы не было сценъ, что это глупо и неумѣстно. Папа уѣхалъ,

какъ виноватый, и ничего не сказалъ ни про елку, ни про то, что привезетъ ли онъ пожарную команду изъ Петербурга, или Митя самъ можетъ пойти съ фрейлейнъ въ магазинъ и выбрать ту, которая ему больше понравится.

Бабушка очень важная и строгая. Фрейлейнъ ее боится и съ тѣхъ поръ, какъ они въ Москвѣ, никогда не поетъ, не бѣгаетъ съ Митей по комнатамъ и даже не говоритъ громко, а шепчетъ и оглядывается. Живетъ бабушка въ своемъ домѣ, и этотъ домъ очень большой, и тоже важный и строгій. Для Мити онъ полонъ чудесъ. Даже немного страшно оттого, что кругомъ такъ много удивительнаго и необъяснимаго, и иногда, въ особенности по ночамъ, Митѣ начинаетъ казаться, что бабушка не просто бабушка, а какая-нибудь волшебница, и поэтому и домъ у нея волшебный. Въ каждой комнатѣ, — на стѣнахъ, — вертушки, отъ которыхъ вдругъ зажигаются огни. Изъ другихъ вертушекъ, надъ умывальниками, бѣжитъ вода, которую никогда никто не наливаетъ; откуда-то снизу прямо въ буфетную поднимается блюдо съ кушаньемъ... Говорятъ, что внизу кухня, но Митя не особенно вѣритъ этому. Какая ужъ тамъ кухня! Просто старый лакей Петръ — колдунъ. Когда нужно завтракать или обѣдать, онъ беретъ какую-то трубку, кричитъ туда „подавай!“, и сейчасъ же является

скатерть-самобранка, и все готово. Это совсѣмъ такъ, какъ въ няниной сказкѣ. Но ночью думать объ этомъ страшно.

— Эммочка! Эмма! — звалъ Митя, поднимаясь въ своей постелькѣ и чувствуя, какъ напряженно и больно бьется его сердце.

Если фрейлейнъ не просыпалась, онъ вылѣзаль изъ своей кровати и, дрожа отъ холода и страха, перебѣгалъ комнату босыми ножками.

— Эммочка, проснись! Мнѣ страшно!

Фрейлейнъ въ испугѣ вскакивала и сейчасъ же начинала оглядываться и шептать:

— Что такое? Что ты, Митенька? Ахъ, не разбуди бабушку. Она вѣдь здѣсь, она близко.

— Эммочка, мнѣ страшно! — повторялъ Митя и легъ на ея постель.

— Но, Митенька, бабушка очень разсердится, если придетъ и увидитъ, что ты не въ своей кроваткѣ. Она даже не позволяетъ мнѣ сидѣть около тебя ночью. Ты вѣдь знаешь?

Митя начиналъ плакать.

— О, mein Gott! Молчи, молчи! — умоляла нѣмка и укладывала ребенка рядомъ съ собой. — Ну, вотъ такъ.

Митя успокаивался, облегченно вздыхалъ и обводилъ полутемную комнату пытливымъ и внимательнымъ взглядомъ.

— Какъ въ стѣнахъ. огонь и вода? — спрашивалъ онъ.

— Огня нѣтъ, Митя. А вода въ трубахъ—изъ рѣчки. Здѣсь—водопроводъ.

— Нѣтъ, есть огонь,—спорилъ Митя.—Поверни вертушку, и онъ сейчасъ выскочитъ.

— Это электричество,—объяснила нѣмка.—Понимаешь, электричество? И оно не въ стѣнахъ, а въ шнурахъ. Развѣ ты не замѣтилъ шнуры?

— Нѣтъ, я видѣлъ, какъ изъ стѣны огонь. Тамъ есть такія двѣ дырочки.

Онъ вертѣлся головой по подушкѣ, разсыпая по ней свѣтлые шелковистые локоны, дышалъ въ лицо нѣмки теплымъ дыханіемъ и брыкалъ ногами подъ одѣяломъ.

— Если бы огонь былъ въ стѣнѣ, она бы загорѣлась,—сказала Эмма, отодвигаясь къ самому краю постели.

— Нѣтъ, онъ заколдованный, — важно заявилъ Митя и широко раскрылъ темные, синіе глаза. — Знаешь, кто заколдовалъ? Я знаю.

— Митя! Электричество это... это... Я не умѣю тебѣ объяснить, я не очень образована, но я знаю, что электричество всегда въ самыхъ лучшихъ домахъ. Я раньше жила въ одной фамиліи, гдѣ тоже было электричество и телефонъ.

— Мама говорила съ мной въ телефонъ изъ Петербурга! — вдругъ вскрикнулъ Митя, но Эмма быстро зажала ему ротъ.

— Митя, bei Gott! Какъ ты кричишь. А если ты разбудишь бабушку?

Митя весь сжался въ комочекъ и юркнулъ подъ одѣяло.

— Да, я слышалъ, какъ она сказала: „Мой сыночекъ! Мой ангелочекъ!“ — зашепталъ онъ опять, осторожно высовывая голову. — А я что сказалъ, Эмма? Я не помню, Эмма?

— Ты ничего не хотѣлъ сказать, какъ маленькій упрямецъ.

— Нѣтъ, я сказалъ! Нѣтъ, я сказалъ!

— Что же ты сказалъ?

— Я сказалъ: „Мамочка, это ты?“

Эмма тяжело вздохнула.

— Ты долженъ очень запомнить, что тебѣ тогда сказала мама, — многозначительно посовѣтовала она.

— Я буду скоро опять съ ней говорить, — хвастливо заявилъ Митя. — Тогда я былъ маленькій и не умѣлъ, а теперь... Знаешь, какъ я скажу! Алло! кто говорить?

— А теперь, — грустно повторила Эмма и опять вздохнула, — а теперь, Митенька... кто знаетъ, что теперь?

Когда Митя засыпалъ, Эмма переносила его назадъ въ его кровать, а сама еще долго не спала и иногда тихо, осторожно сморкалась.

„Я ничего больше, какъ бѣдная дѣвушка, — думала она, — но мое глупое сердце уже любило эту фамилію и сдѣлать я ничего не могу. Фрау Орлицки умретъ, потому что операція не удалась, герръ Орлицки отдаетъ Митеньку бабушкѣ, а старая фрау Орлицки выгоняетъ меня, потому что я только бѣдная дѣвушка и такъ и боюсь, что при ней дѣлаюсь совсѣмъ глупая и смѣшная“.

Теперь прошло уже больше недѣли съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ папа. Былъ канунъ Рождества, и было такъ скучно! Никто не говорилъ объ елкѣ, о подаркахъ, о пожарной командѣ, а у всѣхъ почему-то были заплаканные глаза, грустные, серьезные лица, и даже бабушка почему-то стала менѣе похожа на волшебницу съ тѣхъ поръ, какъ вмѣсто пышнаго шелковаго капота надѣла какое-то некрасивое, черное платье. Эмма цѣлый день вытирала глаза, а иногда закрывала лицо платкомъ и вся тряслась.

— Тебя бабушка обидѣла? — допрашивалъ ее Митя. — Что же съ тобой случилось? Можетъ-быть, потеряла что-нибудь?

Она качала головой и отмалчивалась.

Передъ вечеромъ Петръ пришелъ сказать Митѣ, что бабушка требуетъ его къ себѣ.

— Команда?—живо спросилъ онъ и вскочилъ.— Вѣдь сегодня сочельникъ, Петръ? Папа обѣщалъ, что въ сочельникъ...

— Нѣтъ, не команда, сударь, — печально сказалъ Петръ.—Съ командой придется обождать.

— Опять ждать! Всегда ждать! Ужъ ждалъ, ждалъ, — заворчалъ Митя и пошелъ неохотно, выдумывая себѣ развлечения по дорогѣ, чтобы хотя немного отсрочить неинтересный и, вѣроятно, неприятный разговоръ.

Когда бабушка звала его къ себѣ, оказывалось, что онъ или очень шумѣлъ утромъ, когда одѣвался, и разбудилъ ее, или шалилъ и испортилъ, а то и разбилъ какуя-нибудь вещь. Бабушка читала ему нотацію, а онъ долженъ былъ смиренно стоять и слушать. Это было очень скучно.

— Подожди, Петръ, я пройду такъ, — сказалъ онъ и вмѣсто того, чтобы обойти столъ, подлѣзъ подъ него и поползъ на четверенькахъ.

Когда встрѣтился на дорогѣ диванъ, онъ разбѣжался, вскарабкался сзади на его спинку и свалился на сидѣнье.

— Ухъ! Это гора,—сказалъ онъ. — Подожди, я еще разъ. Къ его удивленію, Петръ не останавливалъ его и не торопилъ. Онъ глядѣлъ на него ка-

кимъ-то страннымъ взглядомъ, ласковымъ и суровымъ, въ одно и то же время, не улыбался, но и не сердился.

Проходя мимо комнаты, гдѣ находился телефонъ, Митя въ одно мгновеніе взобрался на кресло, на которомъ сидѣла бабушка, когда желала говорить съ кѣмъ-нибудь, схватилъ трубку и приложилъ ее къ уху.

— Алло! Кто говоритъ? Мамочка! это ты? Да, хорошо: я скоро къ тебѣ приѣду.

— Извольте оставить это, сударь!—вдругъ почему-то испуганно и строго сказалъ Петръ. — Это такъ не годится.

— Я хочу поговорить съ мамой!—смѣясь закричалъ Митя, прижимая трубку къ груди, изгибаясь и топоча ножками по сидѣнью кресла.

— Извольте оставить, сударь!—еще строже повторилъ Петръ, положилъ трубку на мѣсто и снялъ Митю съ кресла.

Бабушка сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ у камина и, кажется, дремала, потому что вздрогнула, когда вошелъ Митя, и быстро подняла низко опущенную голову. Въ комнатѣ было почти темно, и только красные угли камина ярко освѣщали бабушкину фигуру въ черномъ платьѣ и нѣсколько склянокъ съ рецептами рядомъ съ ней на столѣ.

— Подойди, Митя, — спокойно сказала бабушка, — а ты, Петръ, останься, не уходи.

Митя сразу притихъ, и ему вдругъ показалось, что ему очень хочется спать. Онъ зѣвнулъ и пошелъ. Его ловкая, тоненькая фигурка съ длинными локонами на плечахъ въ громадной полутемной комнатѣ казалась дорогой, изящной игрушкой, и бабушка сперва долго, какъ бы съ удивленіемъ, глядѣла на него, потомъ протянула руку и бережно поправила одинъ локонъ.

— Митя! завтра пріѣдетъ отецъ, — наконецъ сказала она своимъ обычно строгимъ и холоднымъ тономъ.

— Папа! — радостно взвизгнулъ Митя и запрыгалъ и закружился такъ стремительно, что едва не упалъ.

— Подожди... Слушай меня, — продолжала бабушка и придержала его за плечи. — Радоваться тебѣ нечего... Развѣ ты забылъ, что твоя мать очень больна?

— Нѣтъ, я не забылъ, — сказалъ Митя и какъ будто немного обидѣлся. — Я вѣдь радъ папѣ. Какая ты смѣшная, бабушка!

— Нельзя говорить старшимъ: „Какая ты смѣшная“, — строго замѣтила старуха. — И я не смѣшная. Я понимаю, что ты радъ видѣть отца, но отецъ пріѣдетъ очень усталый, очень... грустный.

— Грустный? Отчего?

Синіе глаза широко раскрылись, но въ нихъ не было безпокойства, а только удивленіе и вопросъ.

— Потому что у него большое горе. И если ты любишь отца, ты долженъ стараться утѣшить его.

Митя еще нѣсколько мгновений глядѣлъ въ лицо бабушки, потомъ весь съежился, точно озябъ, вырвался изъ ея рукъ и обернулся лицомъ къ огню.

— Бабушка! а отчего у насъ угли маленькіе, а у тебя большіе, большіе?

— Какіе угли? — разсѣянно спросила старуха и вздохнула.

— У насъ, въ печкѣ. Няня беретъ на лопаточку и ставитъ самоваръ. А Эмма дѣлаетъ порошокъ и чиститъ зубы.

— Все это прекрасно... Но Митя, развѣ ты не хочешь знать, какое горе у отца?

Мальчикъ опять поднялъ плечики и сгорбился, точно инстинктивно уклонялся отъ удара.

— Петръ! ты еще здѣсь? — вдругъ радостно вскрикнулъ онъ, услыхавъ, что старикъ сдержанно кашляетъ у дверей.

— Бабушка, можно мнѣ теперь итти съ Петромъ?

— А ты совсѣмъ безсердечный мальчикъ, — сухо сказала старуха. — Удивительный эгоистъ! Такъ слушай же: не смѣй завтра ничего спрашивать у отца

про маму. О ней больше спрашивать нельзя. Понялъ? Если спросишь, то папѣ будетъ больно, очень больно. Запомнишь?

Митя присѣлъ на корточки и, не отрываясь, глядѣлъ на огонь.

— А я спрошу! — вдругъ упрямо сказалъ онъ.

— Спросишь? нарочно? чтобы сдѣлать папѣ больно?

— Я хочу... Я спрошу... Я тебя не послушаюсь! — уже съ гнѣвомъ продолжалъ ребенокъ. — Мама мнѣ пришлетъ елку.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! Ты боишься лишиться подарка. Но мама ничего не пришлетъ. Она совсѣмъ уѣхала, твоя мама. Далеко, очень далеко.

— Не хочу! — закричалъ Митя и бросился на коверъ. — Не хочу далеко! Ты не правду. Ты злая! Не хочу!

— Петръ, унеси его, — приказала старуха и поднесла руку къ вискамъ. — Я не знаю, что будетъ завтра.. При такомъ воспитаніи... Пусть его какъ-нибудь урезонить эта нѣмка. Можно пообѣщать игрушекъ, хотя... хотя...

Петръ безшумно подошелъ, ловко и ласково взялъ мальчика на руки и, прижимая его къ себѣ, вышелъ изъ комнаты.

— Сударь, извольте успокоиться, — говорилъ онъ, закрывая за собой дверь.—Вамъ теперь за маменьку молиться нужно и папу, барина нашего, пожалѣть. Я папу-то вотъ какъ васъ сейчасъ на рукахъ носилъ...

— Мама никуда не уѣхала?—всхлипывая, спросилъ Митя.

Петръ только крѣпче прижалъ его къ себѣ.

— Мамина душа у Бога, —дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ.—Стоитъ ея свѣтлая душенька и молить за папу и за васъ. Если вы плачете, и она тоскуетъ и плачетъ. А вы, сударь, извольте разсудить: зачѣмъ же вы теперь и ее и папу еще больше огорчить захотите? Теперь только вы и можете быть папѣ утѣшеніемъ и радостью, и мама на васъ надѣется. Вѣдь это мы ее не видимъ, а она все видитъ и, можетъ-быть, теперь на васъ смотритъ и тоже слезами заливаётся.

Но Митя уже не плакалъ, а слушалъ и напряженно старался что-то понять.

— А папа никуда не уѣдетъ?—спросилъ онъ.

— Куда же теперь? больше никуда. Будетъ теперь жить съ своимъ сыночкомъ, значить, съ сударемъ нашимъ, Дмитриемъ Александровичемъ...

Когда Петръ донесъ Митю до его дѣтской, ребенокъ уже казался утѣшеннымъ или разсѣявшимся отъ своего горя. Онъ прямо бросился къ столу,

на которомъ онъ разставлялъ солдатиковъ, и спокойно продолжалъ играть. Петръ ушелъ, а Эмма долго молча глядѣла на него, потомъ заплакала и, мѣшая ему играть, прижала его къ своей груди.

— Богъ зналъ, зачѣмъ Онъ это сдѣлалъ,—сказала она.—Я тоже была маленькая, когда умерла моя бѣдная мать.

Митя слегка нахмурился и съ нетерпѣніемъ высвободился изъ ея объятій.

— Эммочка!—звонко крикнулъ онъ,—я хочу... я хочу, чтобы мои солдатики всѣ... Эммочка, я хочу..

— Чего ты хочешь? Я не знаю.

— Я такихъ не хочу! я такихъ не люблю! — внезапно переходя въ капризный тонъ, продолжалъ кричать Митя и вдругъ смель рукой со стола всѣ игрушки на полъ, соскочилъ со стула и уткнулся лицомъ въ колѣни Эммы.

Весь вечеръ онъ переходилъ отъ самаго радостнаго и беззаботнаго настроенія къ внезапнымъ капризамъ и горькимъ безпричиннымъ слезамъ, и когда, наконецъ, Эмма уложила его, онъ ни за что не хотѣлъ молиться и уснулъ въ слезахъ, всхлипывая и вздрагивая.

Митя крѣпко спалъ, когда въ комнатѣ вдругъ случилось что-то, отъ чего онъ внезапно проснулся. Что случилось — онъ не зналъ, но его сердечко сильно билось и глаза открылись такъ широко,

какъ открывались только тогда, когда няня разска-
зывала страшныя сказки. Кругомъ было тихо, и отъ
маленькаго электрическаго ночника разливался мяг-
кій зеленоватый свѣтъ. Митя хотѣлъ позвать Эмму
или вскочить и бѣжать къ ней, но почему-то только
подумалъ, какъ сейчасъ же и забылъ объ Эммѣ,
а все его вниманіе напряженно обратилось на то,
что дѣлалось въ комнатѣ, но чего онъ не видѣлъ
и не понималъ. Все громадное пространство между
раздвинувшимися, далеко ушедшими стѣнами было
полно едва слышныхъ шороховъ, легкихъ вздо-
ховъ, шуршавшихъ прикосновеній. То здѣсь, то
тамъ вспыхивали и мгновенно угасали остря,
разноцвѣтныя искорки, похожія то на блестя-
щую снѣжинку, то на маленькую падающую
звѣзду.

— Это волшебный домъ, — вдругъ вспомнилъ
Митя — Здѣсь все, какъ въ няниной сказкѣ... А
няни нѣтъ. И мама у Бога. Зачѣмъ у Бога? Лучше
бы просто въ Петербургѣ.

Вдругъ гдѣ-то глухо, но длинно и отчетливо
затрещалъ звонокъ. Митя прислушался, но сейчасъ
же опять замелькали искорки и звѣзды, кто-то
тихо засмѣялся, и черезъ комнату потянуло свѣ-
жимъ, душистымъ воздухомъ, какъ часто бывало
лѣтомъ, когда няня оставляла открытымъ на ночь
окно.

„Это огоньки, которые живутъ въ стѣнахъ,— подумалъ Митя.— Они волшебные и они веселенькіе. Ихъ не надо бояться. Я не боюсь“.

Опять затрещалъ звонокъ, но уже гораздо ближе и звучнѣе, на минуту замолчалъ и зазвенѣлъ уже такъ близко, что Митя вздрогнулъ и сѣлъ.

— Да это телефонъ звонить! — вдругъ понялъ онъ.— Это мама звонить! Мама, мама!

Онъ заметался, хотѣлъ бѣжать, но съ удивленіемъ увидѣлъ, что телефонъ стоитъ на столикѣ около его кровати и что ему стоитъ только протянуть руку, чтобы взять трубку.

— Алло! Кто говоритъ? Мамочка, это ты? Мамочка, ты гдѣ? Ты у Бога?

Онъ сѣлъ на подушку, поджалъ колѣнки и натянулъ на нихъ рубашонку и крѣпко держалъ трубку обѣими руками, прижималъ ее къ розовому, запутавшемуся въ свѣтлыхъ завиткахъ волосъ, уху. Сперва гдѣ-то далеко и нѣжно прозвучалъ рожокъ, и все стихло. Митя подождалъ, и вдругъ ему стало очень грустно и немного страшно.

— Мамочка, отчего ты не говоришь? Это я. Твой Митя. Я у себя въ кроваткѣ. Я знаю, что ты умерла, мамочка, и я за это не хотѣлъ вчера молиться Богу. Ты Ему скажи, чтобы Онъ на меня за это не сердился. Я просто покапризничалъ, по-

тому что зачѣмъ ты у Него, а не со мной? Понимаешь?

Опять нѣжно и далеко прозвучалъ рожокъ, и Митя услышалъ, прекрасно, но такъ далеко, что ни одного слова разобрать нельзя.

— Это кто поетъ, мама?—спросилъ онъ шопотомъ.— Это гдѣ поютъ? Это тамъ, у Бога, елка для маленькихъ ангелочковъ?

Онъ заслушался и замолчалъ, но хоръ постепенно удалялся и слабѣлъ, и когда его уже едва было слышно, неожиданно близко запѣлъ только одинъ голосъ, и этотъ голосъ и то, что онъ пѣлъ, было такъ знакомо Митѣ, такъ ласково и понятно, что онъ радостно засмѣялся и, нѣжась, закинулъ головку. Когда мама пѣла, онъ всегда слушалъ ее такъ. Но еще никогда она не пѣла такъ хорошо! Никогда не было у нея такого сильнаго и звучнаго голоса! Митя слышалъ каждое слово и понималъ, что она молилась за него и за папу, что она очень любила ихъ, что ея душа еще такъ низко, низко надъ землей, потому, что она еще не можетъ разстаться съ тѣми, кто такъ сучаетъ и плачетъ о ней на землѣ. Она просила Бога, чтобы въ эту ночь, когда родился маленькій Христосъ, ея Митя былъ тоже счастливъ, какъ счастливы ангелы на небесахъ, чтобы онъ не плакалъ въ своей постелькѣ и чтобы онъ зналъ, что люди, мертвые и живые, всѣ

такъ близки къ Богу, что если бы только не забывали этого, то никогда не чувствовали бы разлуки.

— А я не забуду, мамочка!—крикнулъ Митя. И тогда только онъ увидаль, что уже вся комната полна огоньками, что огоньки бѣгають и смѣются и собираются въ дальнемъ углу въ одну кучу.

— Для Мити елку, — прозвенѣлъ одинъ огонекъ.

— Для Мити елку,—засмѣялся другой.

— У Мити мамочка умерла!—вздохнулъ кто-то.

— Да она здѣсь, мамочка! Она здѣсь, здѣсь, здѣсь!—радостно зазвенѣло со всѣхъ сторонъ.

Поднялся столикъ со скатертью-самобранкой, и на немъ грудой лежали конфеты, фрукты и игрушки.

Огоньки взяли ихъ и повѣсили рядомъ съ собой на елку.

— Гдѣ же мама?—спросилъ Митя.

— Здѣсь, здѣсь, здѣсь, — опять зазвенѣли огоньки, какъ колокольчики.

Теперь елка была готова. Она вся сіяла огнями, и Митя видѣлъ, какъ между огней, по вѣткамъ порхали маленькіе ангелочки съ блестящими крылышками и свѣтлыми кудрявыми головками. Они заигрывали съ огоньками и тоже смѣялись тихимъ, нѣжнымъ звенящимъ смѣхомъ.

— Митя, Митя, Митя! — звали они со всѣхъ сторонъ.

— Иду! — радостно крикнулъ Митя и вскочилъ, но папа удержалъ его, притянулъ къ себѣ и сталъ цѣловать его розовыя, теплыя щечки и удивленные заспанные глаза.

— Развѣ ты пріѣхаль, папа? — спросилъ Митя.

— Ну, да, мальчикъ. Только что, сейчасъ. А ты заспался. А теперь я пойду къ бабушкѣ, а ты одѣвайся, да поскорѣй: я тебя буду тамъ ждать.

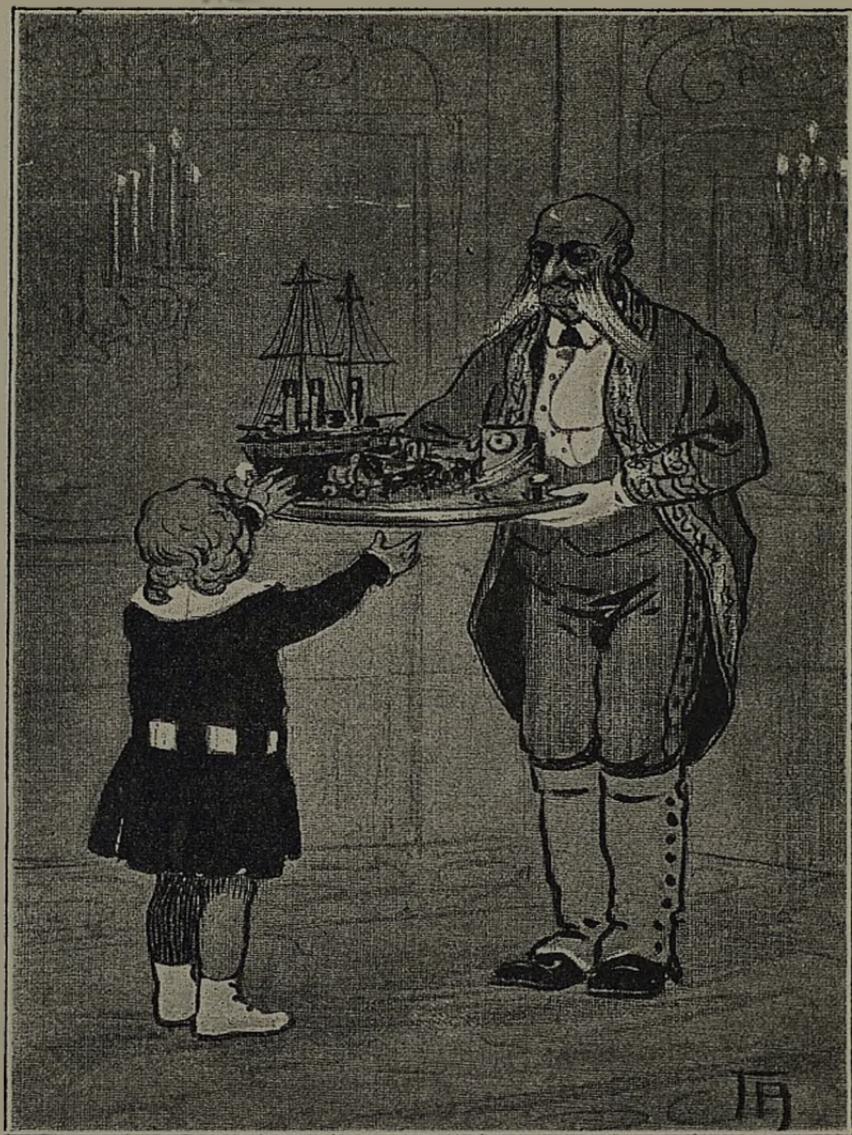
— Эммочка, Эммочка! — закричалъ Митя. — Эммочка, скорѣй же! Меня папа ждетъ!

Онъ уже былъ почти готовъ, когда вошелъ Петръ и принесъ цѣлый ворохъ игрушекъ.

— Извольте принять, — торжественно сказалъ онъ, — вся пожарная команда московской части, броненосецъ „Мишурный“ и собственный телефонъ въ ваше распоряженіе.

— Телефонъ? — спросилъ Митя, и по его радостному личику, какъ легкое облачко, прошла какая-то тревожная и печальная тѣнь. — Это мама прислала? Онъ стоялъ у меня здѣсь на столѣ. Я знаю.

— Да, онъ еще сами объ всемъ распорядились для васъ, — тихо сказалъ Петръ, — а папа привезли. На столѣ, сударь, его не было.

Митя тряхнул локонами и недовѣрчиво улыбнулся. Онъ-то зналъ, что телефонъ уже былъ здѣсь всю ночь и звонилъ.

— А теперь пожалуйста къ бабушкѣ, — пригласилъ Петръ, — тамъ для васъ тоже достаточно приготовлено.

— Сейчасъ! Сію минуту! — съ озабоченнымъ и дѣловымъ видомъ сказалъ Митя и взялъ трубочку телефона.

— Алло! Кто говоритъ? Мамочка, это ты? Мамочка, я все получилъ, благодарю тебя. Теперь я больше не плачу и не капризничаю. Я въ новомъ костюмѣ. Папа пріѣхалъ. Я ему скажу, мамочка, чтобы онъ не скучалъ. У бабушки еще игрушки, Я потомъ тебѣ расскажу...

Онъ хотѣлъ положить трубку, но вдругъ еще что-то вспомнилъ и спѣша поднесъ ее обратно къ уху.

— А сегодня за обѣдомъ мой любимый компотъ...

Петръ слушалъ, и лицо его было строго и хмуро.

Развѣ онъ зналъ и помнилъ, что всѣ люди, и живые и мертвые, такъ близки къ Богу, что они не должны чувствовать разлуки?..

ДИТЯ.

Везли елки. Мужики шли около лошадей, помахивая веревочными возжами, а сзади, на возах покачивали и поскрипывали вѣтвями молодя, пышные, только что срубленные деревца. Тѣ, которыя лежали снизу, тащились прямо по снѣжной дорогѣ, и все какъ будто вздрагивали, какъ будто старались еще приподняться. Уже замѣтно вечерѣло, и въ воздухѣ все гуще и гуще перепархивалъ снѣжокъ. Мужики были мрачны и молчаливы. Имъ было досадно, что они запоздали, что начинается непогода, что лошади слабы и еле передвигаютъ усталыми ногами. Всѣ они были сердиты и другъ на друга, и на лошадей и, среди молчанія, из-

рѣдка слышались только грубые окрики и хлесткіе удары.

Обозъ тащился, а кругомъ становилось все темнѣе и темнѣе. Какъ будто мелькнули гдѣ-то вдали огоньки города, какъ будто даже донесся до слуха протяжный звонъ соборнаго колокола, но сейчасъ же опять все исчезло; откуда-то со свистомъ и хохотомъ налетѣлъ вѣтеръ, закрутилъ въ воздухѣ снѣгомъ, нагналъ черныя тучи и заигралъ и запѣлъ, точно вырвался откуда-то на волю, мощный и яростный. Сразу ни стало ни неба, ни земли, ни свободного пространства между ними. Все смѣшалось. Всюду былъ только снѣгъ и снѣгъ. Падалъ ли онъ съ неба, или поднимался съ земли, или несся вѣтромъ по воздуху—разобрать уже было невозможно. Лошадь передняго возчика остановилась.

— Но-о! — свирѣпо крикнулъ онъ, и началъ бить ее какъ и чѣмъ попало. И среди ночи глухо раздавались тѣ же крики, голоса безъ словъ, озлобленные и негодующіе. На возахъ топорщились, колыхались и какъ будто жалобно стонали срубленные елки.

Вдругъ впереди передняго воза, на самой дорогѣ, завилась и взметнулась къ небу гигантская воронка. Все поле ахнуло и не то захохотало, не то взвыло отъ ужаса. Возчику залѣпило глаза, а онъ опять сталъ видѣть, ему показалось, что впе-

реди, въ нѣсколькихъ шагахъ, будто идетъ кто-то или бѣжитъ; и не то это — звѣрь, не то — человекъ.

— Но! — опять свирѣпо закричалъ онъ.

По его расчету городъ уже долженъ былъ быть близко. Съ дороги они не сбились, они чувствовали это по твердой почвѣ, которая у нихъ была подъ ногами. Только немного сбейся, — сейчасъ же уйдешь въ снѣгъ по колѣно. Но кто бы это могъ итти впереди? Ужъ раза два онъ ясно различалъ, что кто-то, дѣйствительно, идетъ, и хотя въ этомъ не было ничего страннаго, а тѣмъ болѣе невѣроятнаго, одно сознаніе, что кто-то идетъ впереди, почему-то нагоняло на него непонятную ему жуть. Онъ остановилъ лошадь и сталъ ждать, чтобы задніе воза нагнали его. Со вторымъ возомъ шель его родственникъ, Степанъ. Еще не видя его, онъ услышалъ отрывочные, сердитые звуки его голоса. Увидалъ онъ его въ двухъ шагахъ отъ себя.

— Чего сталъ? — свирѣпо кричалъ тотъ, размахивая руками, чтобы согрѣть ихъ.

Онъ кричалъ, а слова относилло вѣтромъ, и разобрать можно было только немногія. Ефимъ тоже сталъ кричать, не отдавая себѣ отчета, за что и почему онъ ругается, и, накричавшись, оба мужика опять подошли къ своимъ лошадямъ и стали бить ихъ. Обозъ опять поползъ, а впереди шель кто-то,

кто-то странный и необычайный, и каждый разъ, какъ Ефимъ видѣлъ его, ему становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Онъ зналъ теперь, что это человѣкъ, но очень маленькій человѣкъ. Онъ зналъ, что это ребенокъ. И этотъ ребенокъ шелъ въ метель и вьюгу въ одной длинной, свѣтлой распоясанной рубашкѣ, съ голыми, тоненькими, какъ жердочки, ногами, съ непокрытой бѣлобрысой головой...

И только когда обозъ въѣхалъ въ городъ, потянулся по освѣщенной улицѣ, странный ребенокъ вдругъ неизвѣстно куда исчезъ.

Ефимъ такъ иззябъ и усталъ, что въ этотъ же вечеръ сильно напился. Пьяный, онъ шелъ по улицѣ, пошатывался и толкалъ прохожихъ. Такъ какъ это былъ вечеръ сочельника, то на улицѣ было особенно людно: шли изъ церквей, спѣшили за послѣдними закупками къ празднику, глазѣли въ окна магазиновъ... То и дѣло тащили на рукахъ и везли на извозчикахъ большія и маленькія елки.

— А куда пошло дитя? — спрашивалъ себя Ефимъ. — Я видѣлъ, какъ шло дитя въ метель и вьюгу. Гдѣ оно теперь деревенское, голодное, холодное дитя?

Что дитя было деревенское — онъ зналъ это навѣрное: у него самого дома, въ деревнѣ, были

такія дѣти. Онъ самъ еще недавно получилъ письмо отъ жены:

„И сообщаю я вамъ, Ефимъ Савельичъ, что и дѣтей прокормить и самой мнѣ прокормиться стало невозможно. Потому лавочникъ больше въ долгъ не даетъ и все я теперь, что могла, заложила, такъ что стали милостыню просить, выйти намъ не въ чемъ. И сама и дѣти разуты и раздѣты“...

Вспомнилось Ефиму это письмо жены, и онъ остановился и махнулъ рукой такъ, что чуть не потерялъ равновѣсія.

— Эхъ! — громко заговорилъ онъ. — А вѣдь я, что же?.. Я, вотъ какъ передъ Богомъ... Скажи мнѣ теперь: „Ефимъ! работай до пота-крови!“ Я готовъ. А ежели теперь ни работы, ни мѣстовъ? Откуда же и мнѣ?.. Господи!

Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь и пошелъ дальше.

— А зачѣмъ пришло дитя въ городъ? — спросилъ онъ и съ недоумѣніемъ остановился. Кругомъ него шла суетливая предпраздничная толкотня: люди шли, бѣжали и ѣхали. Столько людей, что отъ ихъ движенія рябило въ глазахъ и кружилась голова. Чей-то грозный нечеловѣческій голосъ крикнулъ надъ самымъ его ухомъ. Что-то блеснуло какъ два громадныхъ глаза, что-то толкнуло его, обожгло, отшвырнуло въ сторону... Огни улицы потухли...

...И опять тащился обозъ по дорогѣ, и Ефимъ шелъ рядомъ съ переднимъ возомъ, на которомъ топорщились, колыхались и вздрагивали срубленныя елки. Тѣ, которыя лежали внизу, волочились вѣтвями прямо по снѣгу.

— Но-о! — кричалъ Ефимъ и колотилъ, чѣмъ попало усталую лошадь.

И спереди, и сзади, и кругомъ разстилалось бѣлое снѣжное поле, низко надъ нимъ нависло сѣрое небо и все молчало, все было тихо и почему-то жутко.

— А вѣдь, кажись, была метель? — припоминалъ Ефимъ. — Когда же это было? И куда запропастился городъ? Давно бы ему надо показаться, а его все нѣтъ и нѣтъ.

Онъ началъ всматриваться вдаль, и вдругъ увидалъ, что всего въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, по дорогѣ, идетъ ребенокъ въ длинной распоясанной свѣтлой рубашкѣ, съ голыми, тоненькими, какъ жердочки, ногами, съ непокрытой бѣлобрысой головой. Онъ шелъ такъ, какъ ходятъ дѣти, когда спѣшатъ: быстро-быстро перебирая ножками и слегка задѣвая одной за другую. Спина его была немного сгорблена, какъ будто онъ усталъ или несъ въ рукахъ что-нибудь тяжелое.

„А вѣдь замерзнетъ дитя“, подумалъ Ефимъ и сталъ настегивать лошадь, чтобы нагнать его. Но

оно все шло впереди, на томъ же разстояніи, и бося ножки сѣменили и мелькали.

„Голодають въ деревнѣ и идуть, — думаль Ефимъ. — Вотъ равно и мои теперь: разумши, раздѣмши. Только моимъ до города не дойти, тѣмъ далеко. А въ деревняхъ теперь кто поможетъ? Бывало, сосѣдъ сосѣда выручалъ, а теперь и сосѣди такіе же нищіе; всѣ нищіе, всѣхъ Богъ поровнялъ. А моимъ до города не дойти...“

Онъ думаль и разсуждалъ спокойно, равнодушно, точно никогда и не было той боли и тоски, которыя заставляли его напиваться допьяна на тѣ жалкіе гроши, которыя ему удавалось заработать. Не посылать же было этихъ грошей въ деревню! Кого бы они тамъ спасли? Здѣсь они его спасали отъ отчаянія. Не сытъ, да пьянъ. Все будто отъ мыслей легче. Трезвому-то эти мысли сверлили сердце какъ буравомъ.

„Жена! дѣти! что у нихъ тамъ? какъ? уже не померли ли всѣ съ голоду? Неужели и мальчикъ его, Андрюшка? Экій малый-то былъ! всего семи годковъ, а ты малый!.. Эхъ!“

„Нѣтъ, моимъ не дойти! — думаль онъ. — Куда, далеко! А вѣдь ровно мой Андрюша идетъ, только развѣ похудше, потоньше. А и рубаха его и голова бѣлобрыся“.

— Эй! — крикнулъ онъ: — эй! — и самъ удивился, какъ громко, звучно и свободно пронесся по полю его зовъ. — Стой, малецъ, подвезу! Въ городъ ты, что ли?

— Въ городъ! — отозвался чистый, высокій голосокъ.

— Вотъ я тебя и намѣдни видалъ, какъ ты въ метель шелъ. Этакая вьюга-метель, а ты въ одной рубахѣ. Изъ голодныхъ мѣстъ, что ли?

— Изъ голодныхъ.

— А что больно далеко идешь-то? Развѣ ближе людей нѣтъ!

— Мы всюду идемъ: кто ближе, кто дальше.

— Значить, на всѣхъ васъ хватить? Такъ, такъ! Ефимъ засмѣялся и опять ему стало странно, какъ необычно гулко прозвучалъ его смѣхъ.

— Аль несешь что?

— Несу!

— Гостинцу отъ голодныхъ?

— Гостинцу отъ голодныхъ! — точно эхо отвѣтиль высокій, чистый голосокъ.

„Видно, еще не устало дитя, — подумалъ Ефимъ, глядя, какъ сѣмьнять впереди по дорогѣ тоненькія босыя ножки. — Пусть идетъ, пока не притомится. Ему на ходу теплѣй“.

— Ноша-то не тяжела? — смѣясь, крикнулъ онъ.

— Ишь, тяжела! — отвѣтило дитя.

— Такъ давай ее сюда, на возъ. Вотъ, елки везу. Ихъ убирать будутъ. И чѣмъ-чѣмъ ни украсятъ! А потомъ свѣчки на нихъ зажгутъ и вотъ такіе же мальцы, какъ ты, кругомъ плясать пойдутъ. Вотъ бы имъ твой гостинецъ отъ голодныхъ! То-то бы радости прибыло! Давай его сюда! Сведу!

— Кому самъ отдамъ?—тому тяжело будетъ,—сказало дитя:—кто возьметъ волей, хотя часть одну, тому легкости прибавится и радости.

— Такъ вотъ станемъ торговать вмѣстѣ,—захоталъ Ефимъ.—Ты своимъ гостинцемъ, я—елками.

И вдругъ исчезли и бѣлое поле, и сѣрое низкое небо, и дорога, по которой шло босое деревенское дитя. Опять былъ городъ, сутолока, тѣснота, свѣтлыя улицы, освѣщенные, богатые магазины, нарядные, сытые люди. Ефимъ стоялъ среди роши изъ срубленныхъ елокъ и зазывалъ къ себѣ посѣтителей:

— Вотъ елки! Лучше нигдѣ не найдете! Ужъ заслужу благодарность! Не дерево, а пукеть!

Онъ былъ веселъ и возбужденъ, и только никакъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда онъ успѣлъ выпить. Если бы онъ не выпилъ, у него не могло бы быть такъ легко и спокойно на душѣ: его сердце буравомъ сверлила бы мысль о томъ, что гдѣ-то далеко въ деревнѣ... О, какъ хорошо, что почему-то эта мысль не мучить его больше!

— Вотъ елки, такъ елки! Пожалуйте! не проходите мимо!

Онъ говорилъ тѣ слова, которыя прежде говорилъ его хозяинъ, тотъ, который посылалъ его въ лѣсъ рубить деревья. Онъ сознательно подражалъ ему во всемъ, и ему было весело и смѣшно. А его елки стояли точь въ точь какъ въ лѣсу, пышныя, молодыя, стройныя и такія высокія, что ему нельзя было видѣть ихъ верхушекъ. Покупатели давали ему деньги, и тогда деревенское дитя въ распоясанной бѣлой рубахѣ брало дерево на свое плечико и несло его туда, куда ему приказывали. И почему-то никому не было странно, что такое маленькое, худенькое дитя несетъ такую большую, непомерную тяжесть.

Никто какъ будто не видѣлъ его и, такъ какъ не видѣлъ, то и не могъ жалѣть. Ефимъ все торговалъ, а еловый лѣсъ все больше и выше разстался кругомъ него и, наконецъ, сталъ такой темный и глухой, что ему въ немъ сдѣлалось страшно. Онъ остался въ немъ одинъ, а городъ съ покупателями шумѣлъ уже гдѣ-то въ сторонѣ, и шумѣли елки вверху и согнали на его голову холодный, мокрый снѣгъ съ своихъ высокихъ, могучихъ вѣтвей.

„Надо послать деньги въ деревню,— думалъ Ефимъ.— Теперь есть у меня деньги. Надо бы и

теплой одежды и гостинцевъ къ празднику. Андрюшка-то обрадуется! Важный парень! Скажетъ: „тятка прислалъ!“

Онъ вспомнилъ, что деревенское дитя, которое пришло съ нимъ въ городъ, тоже принесло свой гостинецъ сытымъ отъ голодныхъ. Въ одной рубахѣ идетъ, а гостинецъ несетъ. Да еще тяжелый. И что бы это могло быть? Что можетъ прислать нищета богатству?

Онъ не успѣлъ задуматься, какъ вдругъ неожиданное, прекрасное зрѣлище поразило его. Онъ глядѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: деревья разступились, и весь лѣсъ озарился мягкимъ волшебнымъ свѣтомъ, а прямо на него шло уже знакомое бѣлое дитя. Еще въ первый разъ видѣлъ онъ его лицо, и это лицо было такъ близко и дорого ему, и такъ прекрасно, что у него отъ радости захолонуло на сердцѣ. Онъ хотѣлъ крикнуть, хотѣлъ заговорить и не могъ.

— Чему ты удивляешься? — ласково спросило дитя. — Развѣ ты забылъ, что сегодня Рождество? Христось любилъ насъ. И мы жалкія, страдающія, слабыя дѣти, мы сегодня сильны и радостны.

Онъ засмѣялся, и его смѣхъ прозвучалъ, какъ мягкій звонъ колокольчика.

Ефимъ уже ничего не видѣлъ и только слышалъ надъ собой ясный, высокій голосокъ.

— Я отнесъ свою ношу и пришелъ за тобой. Ты хотѣлъ знать, что я несъ? Свое горе, свою нужду, свои слезы. Какъ это было тяжело! Я долженъ былъ это снести людямъ и раздать; и вотъ одни изъ жалости брали у меня столько, сколько могли, чтобы облегчить меня. Эти брали мою тягость, мое горе, а получали себѣ облегченіе и радость. Другимъ я долженъ былъ отдавать силой, потому что они ничего не хотѣли взять на себя. И у тѣхъ моя тягость стала ихъ тягостью, мои слезы — ихъ собственными слезами. О, если бы люди знали, что стоитъ только любить и жалѣть, чтобы на землѣ совсѣмъ не осталось страданія! Если бы они знали, что горе не уменьшится до тѣхъ поръ, пока они сами не устраняютъ его, потому что умираютъ люди, а ихъ горе, страданіе остается. Остается для тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ раздѣлить и облегчить.

— Такъ надо же сказать имъ это! — крикнулъ Ефимъ. — Надо сказать! Надо ихъ пожалѣть!

Онъ метнулся, какъ бы для того, чтобы бѣжать, но нестерпимо яркій свѣтъ ослѣпилъ его, и необывалое, торжественное, радостное до боли чувство хлынуло въ его грудь.

— Я пришелъ за тобой.. — еще прозвенѣлъ и оборвался ясный знакомый голосокъ.

Онъ увидалъ себя въ большой, свѣтлой комнатѣ, съ высокимъ бѣлымъ потолокомъ, съ бѣлыми стѣнами; хотѣлъ пошевелинуться и почувствовалъ невыносимую физическую боль. Чужое лицо въ бѣломъ платочкѣ склонилось надъ нимъ и внимательно глядѣло на него. Сразу онъ все вспомнилъ, все понялъ.

— Умираю?—спросилъ онъ беззвучнымъ хриплымъ шопотомъ.— Задавило меня пьянаго?

— Не волнуйтесь. Не говорите!—отвѣтилъ ему тихій, жалостливый голосъ.

Но онъ и не волновался. Торжественное, радостное чувство все прибывало и прибывало въ его груди.

— Сегодня... Рождество?..

Онъ не слыхалъ отвѣта. Его сознаніе терялось, заволакивалось густымъ, свѣтлымъ туманомъ.

Гдѣ-то звонко и ласково засмѣялся его мальчикъ... Чьи-то нѣжныя руки сняли съ его плечъ тяжелое бремя, которое всю жизнь давило ихъ, и ему стало такъ легко и странно. Никогда онъ не зналъ, что можетъ быть такъ легко.

— Господи!—прошепталь онъ.— Не дай Ты опять... нести это... одному. Тяжело... Прости ихъ. Не знаютъ...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Христось рождается	3
Отчего не поють ангелы	17
Телефонъ	33
Дитя	54

Святочные рассказы.

Н. И. Познякова. Съ рисунк. В. П. Овсянникова и портретомъ автора.

СОДЕРЖАНІЕ: Счастливая и кичливая.— Безъ елки.— Метель.— Святой Николай.— Малышъ.— Опять на родину.— Происшествіе.— Лѣсникъ.— Кока.— Колѣ.— На волоскѣ.— Съ того свѣта.— Къ татхенъ.— Весной запахло.— Незнакомецъ.— Револьверъ.

Ц. 1 р. 25 к.

Задушевные рассказы.

П. В. Засодимскаго. Томъ I. Съ 52 рис. худ. М. Малышева. 7-е изд.

СОДЕРЖАНІЕ: Ночь на Новый годъ.— Слѣпой изъ Данилова.— Бѣдный Христосъ.— Два выстрѣла.— Предъ печкой.— Высокій татаринъ.— Исторія двухъ елей.— Алхимикъ.— Заговоръ совъ.

Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Горюнь

и другіе рассказы для дѣтей **В. I. Дмитріевой.** Съ рисунками.

СОДЕРЖАНІЕ: Горюнь.— Елка въ лѣсу.— Дикій мужикъ.— Мартышка и барабанъ.— Рождество у дѣдушки.— Иванъ Кравецъ.

Ц. въ папкѣ 1 руб.

Душевные люди.

Изъ поволжскихъ рассказовъ **Н. А. Соловьева - Несмѣлова.** Съ рисунками. 2-е изданіе.

СОДЕРЖАНІЕ: Синявини, ихъ друзья и знакомые.— Апикинъ родникъ.— Милостивецъ.— Въ степи.— Абросимычъ.

Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Ранняя грозы.

Рассказы для дѣтей **Л. Лидановой.**
Со многими рисунк. 3-е изд.

СОДЕРЖАНИЕ: Буланка.— Побратски.— Цыганъ.— Дѣдушка Мамытънъ.
Ц. 1 руб.

Изъ жизни.

Сборникъ повѣстей и рассказовъ
Кл. Лукашевичъ. Съ рис. **Н. Николаевского.**

СОДЕРЖАНИЕ: Получка.— Соня Мальхъ.— Дорогое наследство.— Честное слово.— Тяжелая разлука.— Курскій астрономъ-самоучка Семеновъ.— Древній мудрецъ (легенда).— Игнашинскій барчукъ.— Важное открытiе.
Ц. 1 р. 25 к.

Бойцы.

Очерки вѣшняго сплава по рѣкѣ Чусовой. **Д. Н. Мамина - Сибирика.** Съ рисунками-фотографiями. Въ изящной обложкѣ по рис. **В. Спасскаго.**
Ц. 1 руб.

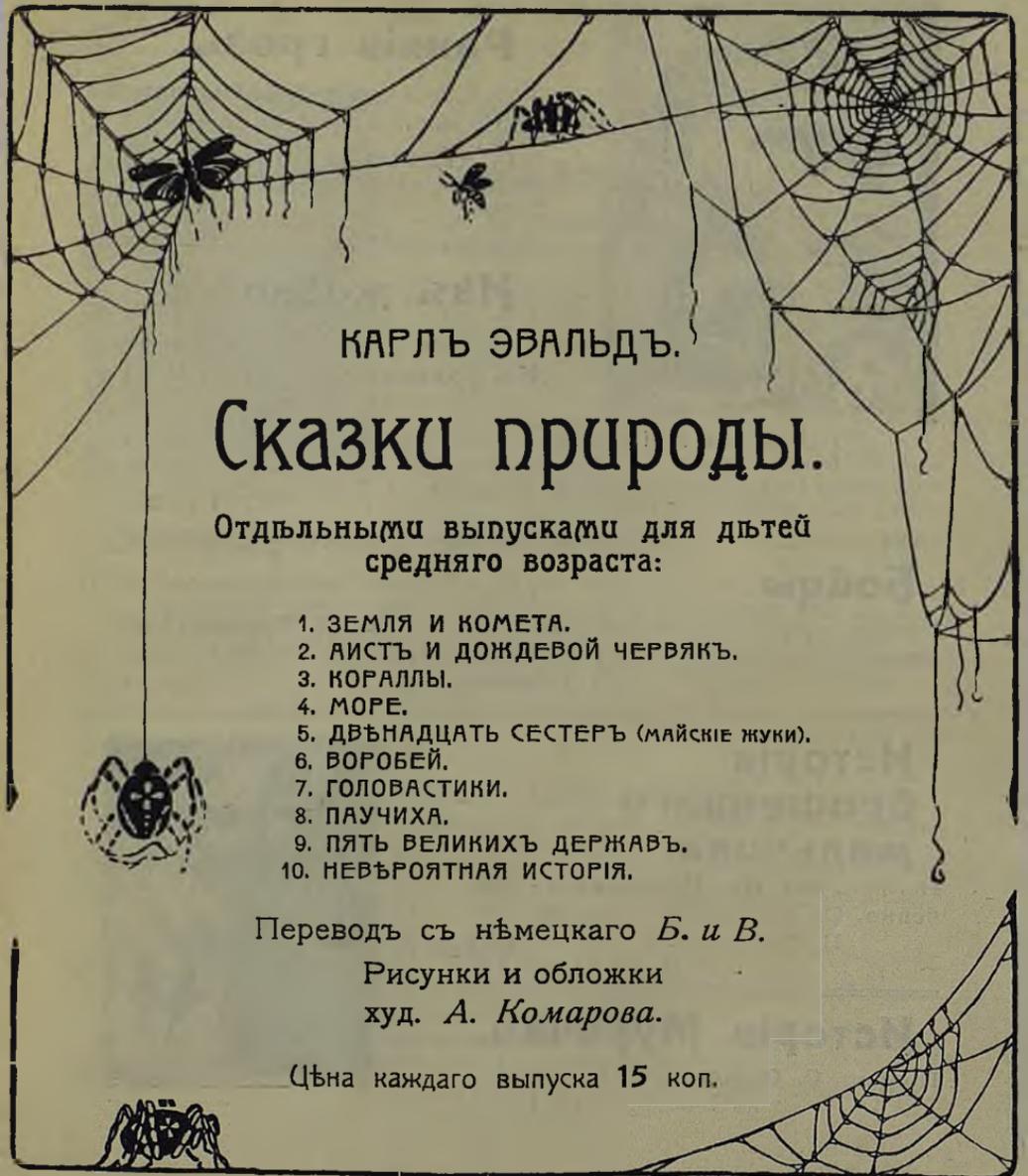
Исторiя брошеннаго мальчика.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича - Данченко.** Съ рис. Въ обложкѣ по рис. **В. Спасскаго.** 4-е изд.
Ц. въ пакѣ 1 р.

Исторiя Мурочки.

Повѣсть **С. Орловскаго.** Съ рисунок. въ текстѣ. Ц. 1 руб.

The page is framed by several spider webs. In the top left, a butterfly is on a web, and a fly is nearby. In the top center, a spider is on a web. In the bottom left, a spider is on a web. In the bottom right, a spider is on a web. The webs are drawn with fine lines, creating a delicate, intricate pattern.

КАРЛЪ ЭВАЛЬДЪ.

Сказки природы.

Отдѣльными выпусками для дѣтей
средняго возраста:

1. ЗЕМЛЯ И КОМЕТА.
2. ЛИСТЪ И ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯКЪ.
3. КОРАЛЛЫ.
4. МОРЕ.
5. ДВѢНАДЦАТЬ СЕСТЕРЬ (майскіе жуки).
6. ВОРОБЕЙ.
7. ГОЛОВАСТИКИ.
8. ПАУЧИХА.
9. ПЯТЬ ВЕЛИКИХЪ ДЕРЖАВЪ.
10. НЕВѢРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Б. и В.*

Рисунки и обложки
худ. *А. Комарова.*

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Максъ Нордау.

ДѢДУШКИНЫ СКАЗКИ

для дѢТЕЙ 8—12 лѢтъ. Съ 6 цвѣтн. и мног. черн. рисунк. худ. НЕЙМАНА.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. П. Никифорова.

СОДЕРЖАНИЕ:

Почему розовый кустъ обзавелся шишами. — Прошлогодняя муха. — Хорошо только съ равными себѣ. — О куклѣ, которая слишкомъ много о себѣ думала. — О благодарныхъ воробьяхъ. — О шести свѣтлячкахъ. — Очки карлика. — О золотомъ жулкѣ, пустившемся путешествовать. — Вода для волосъ. — О кошкахъ, которыя не

хотѣли ловить мышей. — Дитя русалки. — О богатой и бѣдной собацѣ. — О маленькой дѣвочкѣ, которая путешествовала на большомъ кораблѣ. — О братѣ-палунѣ и умницѣ-сестрѣ. — Ручной левъ. — Сердечная цѣть. — Таинственное царство. — Тюрьма изъ цвѣтновъ. — Художникъ-творецъ. — О жизни и смерти.

* * *

Цѣна 1 р. 50 к., въ колѣнк. перепл. 1 р. 75 к.

Цѣна **35** коп.